

95-8

182-8

А.А. НИКОНОВ

**СПИРАЛЬ
МНОГОВЕКОВОЙ
ДРАМЫ:
АГРАРНАЯ
НАУКА
И ПОЛИТИКА
РОССИИ
(XVIII – XX вв.)**

2004127399

Москва • 1995

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Анна Ахматова

А впереди, за клюквенным болотом,
Среди небес и вечной тишины
Лежат захороненные роты
Солдат, не возвратившихся с войны.

Николай Ерхов

ГЛАВА 7. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 гг.

СТРАНА НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ

Несмотря на тяжелые потрясения 30-х гг., гибель миллионов людей, особенно крестьян и интеллигенции, многократные “чистки” и перетасовки руководящего состава, массовый террор 1937–1938 гг., страна и народ продолжали жить. И не только существовать, но и создавать. Осуществлялись индустриализация и электрификация страны, создавались новые отрасли промышленности, вырастали фабрики и заводы. Деревня поставляла дешевую, изприхотливую рабочую силу. В российском селе всегда была скрытая безработица, или скрытое перенаселение. Люди охотно шли “на производство”, так как после коллективизации жизненный уровень крестьян резко упал. Кроме того, механизация сельского хозяйства, хотя и неполная, в форме тракторизации, естественно, высвобождала рабочие руки. Заметим, что этот процесс выкачивания живой силы, особенно после войны, примет для села разрушительный характер.

Один за другим выдвигавшиеся лозунги “техника решает все”, “кадры решают все”, взятые на вооружение партией с ее “приводными ремнями”: комсомол, советы, профсоюзы, делали свое дело. В условиях жестокой диктатуры процессы общественного развития шли противоречиво, болезненно, но они шли. Страна двигалась вперед.

Для характеристики предвоенной экономики обратимся к книге И.А. Вознесенского “Военная экономика СССР в период Отечественной войны”¹. Причем не забудем, в какой обстановке эта книга писалась. Но сначала о самом авторе. Николай Алексеевич Вознесенский (1903–1950), крупный ученый и государственный деятель, академик с 1943 г., экономист-теоретик и практик. Родился в селе Тешное Чернского уезда Тульской губернии в семье служащего. Выпускник Коммунистического университета им. Свердлова и Института красной профессуры. В возрасте 35 лет возглавил Госплан СССР, а в 38 лет стал первым заместителем председателя Правительства СССР. В первый период войны координировал деятельность наркоматов, эвакуированных из Москвы на Восток, с 1943 г. занимался восстановлением экономики освобожденных от оккупации территорий страны. В его научных работах довоенного и послевоенного периода признаются такие экономичес-

кие категории как закон стоимости, цена, прибыль и убыток. Он увязывает рыночные рычаги с плановым руководством, не противопоставляя их, а сочетая. При этом он считает, что планирование должно опираться на закон стоимости, и тогда последний утрачивает стихийный характер. Он пытался привносить в практику планирования научную обоснованность, широко используя рациональный подход, натуральные и синтетические балансы, сопоставляя денежные доходы и расходы населения, рост заработной платы и ее товарного обеспечения. Был обвинен по сфабрикованному так называемому "ленинградскому делу" и расстрелян. Кроме его брата и сестры, по этому же делу были расстреляны секретарь ЦК ВКП(б) Алексей Александрович Кузнецов (1905–1950), организатор обороны Ленинграда, председатель Совета Министров РСФСР Михаил Иванович Родионов (1907–1950), председатель Ленсовета и первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Петр Сергеевич Попков (1903–1950). С названными людьми автор имел возможность несколько раз встречаться, и они оставляли самое благоприятное впечатление.

Н.А. Вознесенский приводит в своей книге сведенные в таблицу данные в сопоставимых показателях (см. табл. 7.1). Имеющееся разночтение по объему валовой продукции сельского хозяйства с более поздними сведениями ЦСУ СССР можно объяснить различными методическими подходами. По последним данным в ценах 1983 г. объем производства сельскохозяйственной продукции с 1928 по 1940 г. вырос только на 7%, соответственно с 71,9 млрд. до 76,7 млрд. руб. Но при любых ошибках в расчете, различиях в методологии, царившей тогда апологетике всех наших "побед" налицо факт роста, особенно по промышленности, транспорту и капитальным вложениям. Упор делался на тяжелую индустрию, производство средств производства (группа "А"). Страна строила заводы, завозила, а затем и сама выпускала станки и другое оборудование. Воздвигались тракторные и комбайновые заводы, мощные электростанции, домны, мартены, шахты. Все это требовало большого напряжения сил, в пасынках оставалось село, крестьянство. Взимание "дани" с крестьян продолжалось.

Таблица 7.1

Развитие производительных сил СССР в предвоенный период,
в млрд. руб.²

	1928 г.	1940 г.	Рост (раз)
Национальный доход	2,5	128,0	5,0
Капитальные вложения	3,7	43,0	11,6
Основные фонды	140,0	709,0	5,0
Валовая продукция промышленности,	21,4	138,5	6,5
в том числе: группа "А"	8,5	84,8	10,0
группа "Б"	12,9	53,7	4,0
Валовая продукция сельского хозяйства	15,0	23,0	1,5
Грузооборот ж.-д. транспорта	93,0	415,0	4,5

В сельском хозяйстве уже практически не осталось единоличников, если не считать частных хозяйств на новых территориях, включенных в состав Союза ССР (Западная Украина и Западная Белоруссия стали советскими землями 1939 г., Литва, Латвия и Эстония – летом 1940 г., Карельский перешеек после “зимней войны” с Финляндией в начале 1940 г.). В сельском хозяйстве, как и в других сферах производства, стимулировалось социалистическое соревнование. В основном – моральными стимулами: награждения орденами и медалями, присвоением звания Героя Социалистического Труда, выдвижением передовиков производства на престижные посты. В послевоенные годы выросла плеяда мастеров сельскохозяйственного производства. Их имена знала вся страна. Это и Константин Александрович Борин (1908–1989), инициатор передовых методов уборки урожая, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, и Александр Иванович Зыкин (1912–1971), комбайнер из Оренбургской области (оба они позднее стали доцентами Тимирязевской сельскохозяйственной академии), и уже упоминавшиеся П.Н. Ангелина, мастер высочайших урожаев свеклы М.С. Демченко, знатные доярки, свиноводы, овцеводы, председатели колхозов. Среди ученых были талантливые организаторы, которые в условиях жесткого диктата сверху ухитрялись развивать производство и поддерживать благосостояние людей. Можно назвать Петра Алексеевича Прозорова (1899–1968), председателя колхоза “Красный Октябрь” Кировской области, руководившего хозяйством в течение 44 лет; дважды Героя Социалистического Труда, масковью Андреевну Малинину (1904–1983) из Костромской области, дважды Героя Социалистического Труда, выросшую из рядовой крестьянки, затем колхозного животновода до знаменитого в стране председателя колхоза и государственного деятеля; Ивана Андреевича Буянова (1897–1965), дважды Героя Социалистического Труда, работавшего 36 лет председателем колхоза Московской области. Это были подлинные новаторы, отличавшиеся талантом организаторов, личным трудолюбием, порядочностью и гуманным отношением к людям. Автор знал их уже в послевоенные годы и часто общался с ними.

В феврале 1941 г. состоялась восемнадцатая конференция ВКП(б), рассматривавшая вопросы о задачах в области промышленности и транспорта; об итогах 1940 г. и плане развития народного хозяйства в 1941 г., некоторые мировые дела. Напряжение, которое ощущалось в обществе, свидетельствовало о приближении войны. Гитлер уже оккупировал государство за государством. Разумеется, никто тогда и не догадывался о каких-либо пактах Молотова-Риббентропа, точнее о секретных приложениях к ним.

Официально долго высказывалась версия о внезапности нападения Германии на СССР. Она не выдерживает критики. Предгрозовая атмосфера была ясна. Весь мир это видел. И советский народ понимал. И готовились к войне. Популярной тогда была песенка: “Если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы”. И тяготы материальные, лишения сносились ради того, чтобы страну уберечь. И разведывательными данными руководство страны располагало. Не хочется верить В. Суворову, автору “Ледола”, о готовившемся нападении СССР на Германию, но за две недели до начала войны эшелоны с танками и пушками шли в сторону границы. Когда-

либо историки разгадают тайны наших роковых неудач в первые месяцы войны, стоивших миллионов людских жизней и около двух миллионов квадратных километров оккупированной врагом территории страны.

Позволю себе кратко показать, как представлялось положение в СССР из ближнего зарубежья. Та часть русской диаспоры в Латвии, к которой принадлежал автор настоящей работы, состояла из людей, не менявших места жительства, хотя границы менялись. В Латвии также осело значительное число эмигрантов из России, не пожелавших уезжать далеко от родины. Не плохо была поставлена информация с Запада, в Риге издавалась дважды в день газета "Сегодня" на русском языке, не считая множества изданий на латышском и немецком. Печатались много книг. Кое-что поступало из России, а с 1939 г. в киосках продавалась газета "Известия". Но основным источником информации было Московское радио.

Мы жадно ловили каждое слово, приходившее из Москвы. Записывали не только лекции, но и новые песни, распевали их. Много хороших песен было создано в 30-х годах. Нам нравилась, например, написанная И. Дунаевским на слова Михаила Светлова "Каховка"

Советские кинокартины подолгу не сходили с экранов. Их смотрели по многу раз. Особенно такие, как "Петр Первый", "Александр Невский". Во время демонстрации "Александра Невского", особенно эпизода Ледового побоища, в кинозалах вспыхивали овации, стихийно вырывались антитетонские чувства. И эта, казалось бы, мелкая деталь свидетельствовала о накале в обществе в преддверии неминуемой схватки, которая могла начаться очень скоро".

Мы знали только фасад советской действительности. Кроме ежедневной "Сегодня", в 30-е гг. выходила еженедельная "Газета для всех", которую издавал и редактировал князь Ржевский, друг генерала и писателя Алексея Алексеевича Игнатьева (1877-1954)".

Мы были воспитаны на русской классической литературе и культуре, уважительно относились к культуре и образу жизни латышского народа. Ежегодно проводились "дни русской культуры", обычно совпадавшие с днем рождения А.С. Пушкина. Власть не чинила никаких препятствий культурной деятельности русских общественных организаций. В Латвийском университете были студенческие корпорации "Рутения" и "Фратернитас арктика" ("Северное братство"), а также землячество ОРСЛУ (Общество русских студентов Латвийского университета). Землячество было более демократичной и открытой организацией, чем корпорации, и мы с корпорантами не очень дружили. В этом обществе спектр политических взглядов был очень широким, от коммунистов, социалистов до либералов и монархистов при

* Уже после войны я был хорошо знаком с героиней этого произведения, той девушкой "в походной шинели", что шла горящей Каховкой. Это была Зельма Пиген из Латышской дивизии. Она работала в ЦК Компартии Латвии. И хотя с воспетых событий прошло более четверти века, она была стройной женщиной лет 45 с большими голубыми глазами и русыми кудрями.

** В конце 40-х или начале 50-х гг. мне посчастливилось лично познакомиться с Николаем Константиновичем Черкасовым (1903-1966), обаятельным человеком и великим артистом, создавшим бессмертные образы, в том числе и Александра Невского.

*** Позднее, уже после войны, Ржевский мне рассказывал, что у него было много неприятностей из-за "излишней" пропаганды на страницах газеты советских достижений.

реобладании лево-демократических элементов. Нас всех объединяла любовь к своей большой этнической Родине. Она укреплялась по мере обострения международной обстановки и возрастания опасности фашистского нападения на Россию. Особенно же усилилась после создания оси Берлин–Рим, а затем и треугольника Берлин–Рим–Токио. Нам импонировали идеи евразийцев. Мы знали и содержание речей Адольфа Гитлера на нюрнбергских собраниях нацистов, слышали их по радио, читали “Mein Kampf”, представляли себе угрозу для России, а равно и маленькой Латвии. Потому большинство из нас с первых дней войны оказалось добровольцами в Красной Армии.

Кое-что нас удивляло и ввергало в смятение. Например, письма из СССР. Многие из нас были родственники в различных регионах Союза. До середины 30-х гг. оттуда шли нормальные письма с человеческими радостями и горестями. Ближе к середине этого десятилетия почти в каждом письме появились примерно такие фразы: “Спасибо товарищу Сталину, мы живем хорошо”. Так писали из Ленинграда, Пятигорска, Хабаровска... Мы недоумевали, почему все, как по команде, благодарят и хвалят в частных письмах Сталина. Не могли же они все сговориться?! И нам стало казаться, что, очевидно, это добрый и мудрый человек, если все пишут о нем так тепло. Люди же старшего поколения, находившиеся в 1917 г. в гуще революционного Петрограда, заявляли нам, что видели и слышали Ленина, Троцкого, Маллонтай, Луначарского, а еще раньше Керенского. Но ни о каком Сталине никогда ничего не слышали. Часто в письмах были фотографии. На некоторых были запечатлены молодые энергичные лица офицеров Красной Армии в своеобразной униформе. Но с 1937–1938 гг. переписка прервалась, и ничего мы больше из России не получали. Правду узнали через много лет...

Удивили нас мероприятия в связи со 100-летием гибели А.С. Пушкина в январе 1937 г. Наша гимназия в эти дни жила только Пушкиным: литературные вечера, концерты, доклады, спектакли, богослужения, приезд из Риги русского драматического театра и многое другое. Одновременно мы слушали московское радио и удивлялись: кого же там все-таки чествуют – Пушкина и Сталина. Особенно поразила речь народного комиссара просвещения Андрея Сергеевича Бубнова (1883–1940) на митинге у памятника Пушкину, которой он пару раз упомянул имя Пушкина и десяток раз – Сталина. Через три года и он погибнет в застенках от пули палача.

Ранним утром 17 июня 1940 г. колонны танков и мотопехоты Красной Армии вступили на территорию Латвии. Народ встретил их спокойно. Не было ни одного выстрела ни с одной стороны. В Риге советских солдат и офицеров улицами осыпали цветами. Люди видели в приходе советских войск гарантию отстоя от вторжения гитлеровцев. Латыши хорошо помнили 700-летнее господство остзейских баронов, губернаторов и генерал-губернаторов. Успокоение вызвала и краткая речь президента республики Карла Ульманиса (1877–1942), с которой он в тот же день вечером обратился к народу. В памяти остались такие слова: “Сегодня в 7 часов утра войска дружественной державы пересекли границу Латвии. Это сделано с ведома и согласия нашего правительства... Я остаюсь на своем месте, вы оставайтесь и работайте на своих местах”.

Личность Карла Ульманиса весьма колоритна, современниками воспринималась неоднозначно, с отдалением времени вызывает уважение. Выходец

из семьи курляндских крестьян, за участие в революции в 1905 г. заключен в Псковскую тюрьму, позднее эмигрировал, окончил университет в штате Небраска (США) и Лейпцигский сельскохозяйственный институт, доктор экономических и сельскохозяйственных наук. С 1913 г. возглавлял молочную кооперацию, в 1917 г. – вице-комиссар Временного правительства в Лифляндской губернии, с 1918 г. – первый премьер-министр Латвии, лидер созданного им Крестьянского союза.

После образования нового государства в 1919 г. Латвия вскоре практически потеряла всю свою территорию за исключением нескольких волостей Гробиньского уезда. Советское правительство Петра Стучки допустило грубую стратегическую ошибку в крестьянском вопросе: не дало крестьянам ни клочка земли. Дело в том, что 48,1% всей земли принадлежало остзейским баронам и только 39,3% – крестьянам. Советское руководство Латвии решило не дробить баронских латифундий, полагая, что такое дробление приведет к откату назад от научно-технического прогресса, а крупное производство всегда выгоднее мелкого. На этих землях создали 230 совхозов, работавшим в них крестьянам не разрешали иметь даже приусадебного участка и личного скота. Батрак остался батраком. Только раньше в замке сидел потомственный немецкий “голубой” барон, а сейчас восседает “красный”, с партийным билетом в кармане. Так Советская власть оскорбила и оттолкнула крестьянство. В это же время в тех немногих волостях, которые остались под юрисдикцией правительства К. Ульманиса, началась аграрная реформа, ликвидация латифундий и крестьяне в солдатских шинелях с обеих сторон фронта потянулись за землей. В течение года Советская власть пала на всей территории Латвии. Более 54 тысяч крестьян получили новые трудовые хозяйства средней площадью по 17 га, еще столько же расширили свои хутора, около 10 тысяч урезанных имений были сданы в долгосрочную аренду³.

Карл Ульманис не был демократом в общепринятом смысле этого слова. Он 15 мая 1934 г. распустил парламент и все представительные органы власти на местах; в уездах, городах и волостях назначил старшин; запретил все политические партии, не пощадив и свой Крестьянский союз. Лидеров компартии, социал-демократов и профашистских групп упрятал на несколько месяцев в концлагерь. До этого все партии, кроме коммунистической, были легальными. Во внутренней политике Ульманис опирался на крестьянство и среднее сословие, поощрял и развивал сельскохозяйственную кооперацию, всячески содействовал трудовому воспитанию молодежи, освоению ремесел. Был установлен авторитарный режим. Ликвидирована безработица.

В журналистских кругах шел разговор о том, что перед вводом Красной Армии И. Сталин звонил по телефону К. Ульманису, обещал сохранить жизнь и свободу членам правительства Латвии, не вмешиваться во внутренние дела этой страны. Потому и было столь уверенное заявление президента по радио. Действительно, никто из членов правительства не был казнен. Однако они были перемещены в разные города России. К. Ульманис был поселен в г. Ставрополе, где и проживал под надзором в течение двух лет. В августе 1942 г. арестован, перевезен за Каспий, умер осенью того же года в Краснодарской тюрьме. Министр земледелия Я. Бирзбек умер в середине 50-х гг. от инсульта в должности директора свиноводческого совхоза в Красноярском

срае. Воспавый министр генерал Я. Балодис, в первую мировую войну офицер русской армии, в 50-е гг., во время "оттепели", вернулся в Латвию и получал генеральскую пенсию. Министр иностранных дел В. Мунтерс, хидик по образованию, проживавший и работавший долгие годы в г. Владимире, также вернулся в Ригу, выступал в печати. Он был председателем Лиги наций в конце 30-х гг.

Итак, Красная Армия разместилаь в Латвии, равно как и в других республиках Балтии. Латвийская армия была реорганизована в национальный территориальный корпус РККА, сохранившаяся часть солдат и офицеров то влилась в созданную в августе 1941 г. Латышскую дивизию, проходившую обучение в Гороховецких лагерях под Нижним Новгородом и вступившую в бой под Москвой. Но это уже другая тема.

Относительно спокойная обстановка нарушилась осенью 1940 г., когда была ликвидирована местная валюта — лат и введен общесоюзный рубль. Обмен валют проводился при их соотношении примерно 1:3. Если, к примеру, учитель начальной школы или рабочий получал в месяц 100 лат, то теперь стал получать 300 рублей. Но килограмм масла стоил 2 лата, а после обмена его цена поднялась до 28 рублей. Следовательно, человек, который ранее за свою зарплату мог купить в месяц 50 кг масла, сейчас — только 11. Такое же соотношение сложилось по всем продовольственным и промышленным товарам. Те люди, которые весной осыпали советских солдат цветами, осенью объявили забастовку. Это был первый удар по всем слоям населения с фиксированными доходами, прежде всего по рабочим, интеллигенции, людям наемного труда. Виновником этой операции объявляется стрелочник — инспектор цен Министерства финансов. Его обвиняют во вредительстве, арестовывают, а цены практически остаются такими же, с несущественными коррективами.

Затем наносится удар по крестьянству. Здешные крестьяне постоянно жаловались на налоговое бремя. Новая власть в 1940 г. не очень нажимала а налоги в денежной форме. Но были введены обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов. Теперь крестьянин должен был за символическую оплату сдавать государству зерно, картофель, молоко, мясо и другие продукты в таких количествах, каких подчас в хозяйстве и не набиралось. Поднялось всеобщее возмущение, начались волнения. Оказалось, что ксм-то были порекомендованы нормы поставок, действовавшие в Ленинградской области для единоличников, не вступивших в колхозы. Это фактически были репрессивные нормы. На этот раз виновником был объявлен уполномоченный Наркомата заготовок СССР по республике. Обязательные поставки у крестьян были заменены новыми, которые очень мало отличались от прежних, "вредительских". Так Советская власть оттолкнула крестьян. А в Латвии тогда еще не знали о колхозах, сюда из Советской России доносились лишь отрывочные сведения о них, причем не лестного характера.

Не имели мы представления и о масштабах репрессий 30-х годов. Только мутные догадки в связи с обрывом переписки. Впервые автору было рассказано об этом весной 1943 года. После боев, ранений и госпиталей я вновь оказался в хорошо знакомых Гороховецких лагерях Московского военного округа, в запасном полку. Здесь накапливались, долечивались, набирались

сил и обучались те, кому вновь предстоял фронт. Однажды в роту прибыл солдат по фамилии Вавер лет сорока, истощенный, молчаливый, с умными грустными глазами. На вопрос, откуда он прибыл, ответил: "Из лагерей, только не военных". На вопрос об образовании последовал ответ: "Окончил Саратовский университет и сельскохозяйственный институт". О последней работе перед теми "лагерями" было сказано: "Заведовал организационным отделом Нижневолжского крайкома партии". Вавер вел себя образцово. Через некоторое время у меня с ним состоялась многочасовая беседа за пределами расположения воинской части. Он рассказал тогда многое о репрессиях, о конвейере смерти. Он был знаком с Яном Эрнестовичем Рудзутаком (1887–1938), Валерием Ивановичем Межлауком (1893–1938), работал с Иосифом Михайловичем Вареиксом (1894–1939) и другими видными государственными деятелями, погибшими в годы великих репрессий. Всю вину он возлагал на Сталина. Это вызвало потрясение от неожиданности, но не верить ему было невозможно. Позднее он обратился с просьбой дать ему рекомендацию для вступления в партию на общих основаниях. Я сделал это без колебаний. И он был принят. Вскоре наши пути разошлись. Уже после войны я получил от Вавера письмо, где он сообщал, что он недолго был в партии. Поделится своими тревогами с одним старшиной, тот оказался "стукачом". Его из партии исключили и с первой же маршевой ротой отправили на фронт. Он сообщил, что работает директором совхоза и просит, если не утрачено к нему доверие, еще раз дать рекомендацию. Так одному человеку пришлось дважды писать рекомендации. Он был хорошим руководителем хозяйства, этот прошедший разные лагеря юрист и зооинженер по образованию. А для меня он был первым честным человеком, раскрывшим глаза на чудовищные злодеяния властей.

ПРОВАЛ БЛИЦКРИГА

Разработанный германским командованием и утвержденный Гитлером в директиве №21 от 18 декабря 1940 г. план "Барбаросса" был рассчитан на быстрое поражение Советского Союза путем нанесения молниеносных ударов мощных сконцентрированных армейских групп, хорошо оснащенных современной техникой⁴. К 22 июня 1941 г. у границ СССР было сосредоточено 190 дивизий, из них 19 танковых и 14 моторизованных, 4 воздушные армии. В этих соединениях было 5,5 млн. человек, 4 300 танков, свыше 47 тыс. полевых орудий и минометов, около 5 000 боевых самолетов. Вся эта армада обрушилась и смяла наши войска, быстро устремилась вперед в направлении на Москву, Ленинград и Киев с дальнейшим выходом на линию Архангельск–Урал–Астрахань.

Автор не ставит своей целью рассматривать ход военных действий. Это очень сложная и специальная проблема. Опубликованы воспоминания многих наших полководцев – Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, К.А. Мерецкова и других военачальников, имеются исследования историков, произведения писателей-фронтовиков⁵. Отдельной книгой опубликованы приказы и выступления Сталина⁶. Тем не менее многое еще нуждается в исследовании и осмыслении.

Начиная войну, гитлеровцы учитывали некоторые реальные факторы, способные затруднить положение Советского Союза и оказать "услугу" Германии. Прежде всего, они прекрасно знали о том, что Красная Армия обезглавлена и обескровлена репрессиями конца 30-х гг., в результате которых на лишилась 40 тысяч офицеров и, за редким исключением, всего генералитета. Маршалы С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов и Г.И. Кулик имели опыт олу партизанской гражданской войны, но оказались неспособными управлять войсками против высокоорганизованной и технически оснащенной армии врага. И потребовалось время, пока выросли и приобрели опыт молодые олководцы.

Федор Федорович Раскольников (настоящая фамилия Ильин – 1892–1939), прошлом морской офицер, заместитель наркома по морским делам, дипломат, полпред СССР в Болгарии, отозванный в Москву для расправы, решив ехать на неминуемую смерть, писал Сталину: "Накануне войны Вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых олководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войны, которые реобразовали Красную Армию по последнему слову техники и сделали ее непобедимой. В момент величайшей военной опасности Вы продолжаете стрелять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров... Не доверяя красным командирам, Вы вносите в армию двоевластие и разрушаете воинскую дисциплину. Под нажимом советского народа Вы щемерно воскрешаете культ исторических русских героев: Александраевского, Дмитрия Донского и Кутузова, надеясь, что в будущей войне они смогут Вам больше, чем казненные маршалы и генералы..."⁷

Генерал-лейтенант А.И. Тодорский приводит следующие данные: "...сталинские репрессии вырубili из пяти маршалов трех (А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский, В.К. Блюхер); из пяти командармов 1-го ранга – трех; из 10 командармов 2-го ранга – всех; из 57 комкоров – 50; из 186 комдивов – 154; из 100 армейских комиссаров 1-го и 2-го ранга – всех; из 28 корпусных комиссаров – 25; из 64 дивизионных комиссаров – 58; из 456 полковников – 401..."⁸

В середине июля 1941 г. Гитлер был уверен в том, что сопротивление в европейской части России продлится не более шести недель... Рассчитывали на шпистов и на униженность, бесправие и нищенское положение крестьянства. Они знали последствия антикрестьянской политики и крестьянского сопротивления в недавнем прошлом. Но они плохо знали историю России и психологию русского крестьянина, составлявшего костяк Красной Армии. Перед лицом смертельной опасности для Родины отступают на второй план эгоизм и оскорбления. Так было и в Отечественную войну 1812 г., когда бедные крестьяне и крестьянки дубинами, цепями и кочергами выгоняли купантов за пределы своей страны. Можно назвать и их просчет в отношении нерусских народов, не вставших стеной за новоявленных "освободителей", игнорирование просторов России, не раз в прошлом поглощавших нашествия иноземцев. Недооценивали завоеватели и способности государства авантюристы быстро перестроить экономику на нужды обороны. Но главное – гитлеровцы недооценили выдержку, самоотверженность и героизм русского солдата и русской женщины, вынесшей на своих плечах все тяготы

голодного, холодного и долгого фронтового тыла, ставшей в эти годы пахарем, пекарем, токарем и чернорабочим.

Н.А. Вознесенский пишет, что "перестройка народного хозяйства на рельсы военной экономики, перемещение производительных сил и восстановление их в восточных районах подготовили всеобщий подъем военного хозяйства СССР". Далее он перечисляет мероприятия, которые проводил Государственный комитет обороны:

«во-первых, мобилизация производственных мощностей социалистической промышленности, рабочих и инженерно-технических кадров на нужды Отечественной войны...

во-вторых, мобилизация материальных ресурсов и труда колхозного крестьянства на обеспечение потребностей Советской Армии, городов, снабжающих фронт военной техникой...

в-третьих, мобилизация и военная перестройка транспорта... Усилена пропускная способность железных дорог Урала и важнейших железнодорожных узлов... Осуществлено строительство ряда железных дорог вдоль р. Волги, в восточных и северных районах страны...

в-четвертых, мобилизация строительных кадров и механизмов на строительство военных заводов и кооперированных с ними предприятий...

в-пятых, мобилизация рабочей силы, переквалификация... и подготовка новых кадров взамен призванных в Советскую Армию...

в-шестых, мобилизация продовольственных резервов страны для бесперебойного снабжения городов... Введено нормированное снабжение населения продовольственными и промышленными товарами (карточная система)...

в-седьмых, мобилизация средств населения и ресурсов народного хозяйства на финансирование Отечественной войны...

в-восьмых, перестройка государственного аппарата для обеспечения мобилизации всех сил на нужды Отечественной войны..."¹⁰

Таким образом, была проведена гигантская работа. Достаточно сказать, что на Восток было эвакуировано в течение трех месяцев 1 360 крупных, прежде всего военных заводов. Из них 455 было размещено на Урале, 210 в Западной Сибири и 250 в Средней Азии и Казахстане. Самыми тяжелыми были последние два месяца 1941 года: эвакуированные предприятия уже не давали продукции на старом месте и не успели начать выпуск на новом, были потеряны основные районы, поставлявшие уголь и другое стратегическое сырье. На оккупированной территории до войны проживало 40% населения страны, производилось 63% угля, 68% чугуна, 58% стали, 60% алюминия, 38% зерна, 84% сахара, находилось 38% крупного рогатого скота, 60% свиней, 41% протяженности железных дорог. С июня по ноябрь 1941 г. валовая продукция промышленности сократилась в 2,1 раза. Только с декабря 1941 г. прекратилось падение промышленного производства, с марта 1942 г. быстро пошло вверх, к этому времени производство военной продукции в восточных районах достигло довоенного уровня в целом по стране¹¹. Так началось наращивание военно-промышленного потенциала СССР, который впоследствии намного превзойдет возможности Германии.

А пока шло тяжелое, горькое отступление. В приграничной полосе остались аэродромы, подтянутые склады боеприпасов, амуниции, продовольствия.

Уже утром в воскресенье 22 июня под бомбами погибали солдаты, гражданское население, на аэродромах, не поднявшись в воздух, сгорали наши самолеты. А мы 23 июня из трехлинейной винтовки стреляли... по вражескому самолету, на бреющем полете расстреливавшему из пулемета людей. Сводки Совинформбюро были одна тревожнее другой: "Сегодня наши войска под натпором превосходящих сил противника оставали города..." Шел длинный перечень городов и районов. В окружение попадали дивизии, корпуса, армии, сотни тысяч наших солдат и офицеров.

Константин Михайлович Симонов (1915–1979) вскоре напишет пронзительные стихи об этом нашем отступлении:

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кривки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслеп нам шептали: – Господь вас спаси! –
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на Великой Руси...

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина –
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил...

...Мы шли на восток дорогами, лесами и деревнями Псковской и Новгородской земли. На нас смотрели грустные и растерянные, молодые и пожилые женщины. В какой-то маленькой деревушке под Старой Руссой мы зашли в небогатый домик напиться. Хозяйка молча поставила на стол крынку молока и каравай ржаного хлеба. В ее глазах стояли слезы и страшная тоска. Домик забежал, как мы поняли, хозяин, молча сел за стол, быстро разделил нами хлеб и молоко, обнял жену и тотчас направился к двери. Потом, как и заметив нас, показал рукой на восток и протянул с укоризной: "А... вы да, а я в лес. У нас там хватает дел..." Взял винтовку СВТ и выпел. Чрез минуту он уже верхом скакал на коне...

В декабре 1941 г. военная машина фашистской Германии забуксовала. Удача постигла вермахт под Ленинградом и Тихвином, под Ростовом и, наконец, под Москвой. Маршал Г.К. Жуков писал: "В войне с Советским Союзом гитлеровцам, несмотря на их тщательную подготовку, пришлось столкнуться с рядом важных и непредвиденных обстоятельств. Они никак не могли, например, что им придется в Советском Союзе драться на два фронта: с одной стороны, с Красной Армией, с другой – с мощными партизанскими силами... Не рассчитывали гитлеровцы и на то, что их войска будут такмотаны и обескровлены, что уже в 1941 году, не достигнув ни одной стратегической цели, будут вынуждены перейти к обороне на всем советско-германском фронте. Поражение немецких войск под Москвой возвестило всему миру о крахе планов Гитлера в отношении "молниевоспой войны" с Советским Союзом, о начале разгрома немецко-фашистских войск, о непреодолимости советского государства"¹².

Нет нужды говорить о наших неисчислимых потерях и жертвах. Об общей численности потерь все еще полной ясности нет. Последняя из названных цифр – 27 миллионов. Их масштаб можно представить по такому примеру. За несколько дней боев под Наро-Фоминском в декабре 1941 г. в моем батальоне, насчитывавшем 20 декабря 450 человек, к вечеру 23-го оставалось в строю около 30. И так на протяжении всего фронта от Баренцева моря до главного Кавказского хребта. И так в течение 1 417 дней... Позднее Булат Шалвович Окуджава (р. 1924), фронтовик, поэт и гуманист, напишет:

Здесь птицы не поют,
Деревья не растут,
И только мы плечом к плечу
Врастаем в землю тут...

К югу от этого небольшого подмосковного городка под кронами деревьев русского леса лежат пять тысяч латышских стрелков-добровольцев. У них были разные записи в анкетной графе о национальности: латыш, русский, белорус, еврей. Но у них была одна Родина, одна армия, один враг, одна цель. Одна жизнь. И они ее отдали.

Потом будет Сталинградская битва, Курская дуга, широкомасштабный план “Багратион”, битва за Берлин, за тысячи и тысячи безымянных высоток, маленьких деревень и больших городов. Впереди будет тернистый, скорбный путь русского и других народов, путь побед и необратимых потерь. Но вражеский блицкриг не состоялся. Великой кровью и великими жертвами будет достигнута наша Победа и Родина спасена от врага.

ВОЙНА И АГРАРНАЯ НАУКА

Война стала Отечественной и всепародной. Воевали фактически все слои населения, хотя и не у всех в руках было оружие. Воевала наука, в том числе и аграрная. Научный потенциал страны также был направлен и мобилизован на дело обороны. Президент Академии наук СССР Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945) возглавил комиссию по мобилизации на нужды обороны ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана. Работы таких ведущих ученых страны, как Сергей Иванович Вавилов (1891–1951), физик, брат Николая Ивановича Вавилова и будущий президент АН СССР; Мстислав Всеволодович Келдыш (1911–1978), математик и механик, будущий президент АН СССР; Анатолий Петрович Александров (1903–1994), один из пионеров ядерной энергетики, будущий президент АН СССР; Алексей Николаевич Крылов (1863–1945), кораблестроитель, математик и механик; Игорь Васильевич Курчатов (1902–1960), физик, руководитель работ по атомной науке и технике в СССР; Абрам Федорович Иоффе (1880–1960), физик, пионер исследования полупроводников – все они были связаны с совершенствованием оружия, самолето- и кораблестроением, приборостроением, ядерной физикой. Некоторые из крупных ученых и конструкторов, например, Андрей Николаевич Туполев (1888–1972), объявленные “врагами народа” и арестованные, трудились в так называемых “шарапках”, жизнь и быт которых хорошо показаны Александром Исаевичем Солженицыным (р. 1918) в его романе “В круге первом”.